

УГОЛОВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ЗА ЗАВЕДОМО ЛОЖНЫЕ ПОКАЗАНИЯ СВИДЕТЕЛЯ И ПОТЕРПЕВШЕГО В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Приведен краткий анализ развития уголовного законодательства России в период с XI до начала XX в. за заведомо ложные показания свидетеля и потерпевшего. Исследованы положения Русской Правды, Судебников 1497 и 1550 гг., Соборного уложения 1649 г., памятников права эпохи Петра I, Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., Устава Уголовного судопроизводства 1864 г., Уголовного уложения 1903 г.

Ключевые слова: лжесвидетель; преступление; ответственность; суд; закон; наказание.

Современное уголовное законодательство за лжесвидетельство – результат длительной эволюции нормативных актов, судебной и следственной практики, уголовно-правовой доктрины.

Установление ответственности за дачу ложных показаний уходит своими корнями в глубь веков: со времён древности оно каралось как одно из тяжчайших преступлений. Например, первый дошедший до нас письменный памятник права – Законы Хаммурапи – предусматривал смертную казнь за ложное обвинение в убийстве [1. С. 201]. К тому же осуждение лжесвидетелей имело не только законодательную основу, но и морально-этическую, что прослеживается ещё с Евангелия: «...искали лжесвидетельства против Иисуса, чтобы предать Его смерти, и не нашли; и хотя много лжесвидетелей приходило, не нашли. Но, наконец, пришли два лжесвидетеля...» [2].

Каноническое право также сурово карало лжесвидетелей, рассматривая их как богохульников. Дело в том, что в судебном производстве свидетельства брались после принесения присяги перед Богом. Тесная связь лжесвидетельства с религией объясняется тем, что отношение к нему как к преступлению коренится в отвращении, которое люди испытывали к тому, кто преднамеренно нарушал клятву.

Специфика исследуемого вида преступления заключалась в том, что оно одновременно посягало как на церковные устои, так и на светскую власть в лице судебной системы государства, подрывая её престиж и создавая препятствия для установления истины по делу.

Пожалуй, впервые нормы, предусматривающие ответственность за ложное обвинение перед судом, выражавшуюся в уплате одной гривны представителю княжеской власти, появились в древнейшем правовом памятнике – Русской Правде. Однако чуть позднее роль свидетельских показаний возрастает, и как следствие усиливается ответственность за дачу ложных показаний. Так, ст. 50 Судебника 1497 г. устанавливала значительную материальную ответственность свидетеля за неявку в суд для дачи показаний (в размере суммы иска, убытков и пошлин независимо от того, мог ли свидетель дать показания по делу или нет) [3. С. 86]. Статья 67 Судебника требовала публичного запрещения лжесвидетельства и строго наказывала взысканием: «Да велети проклинать по торгом на Москве и на всех городех Московские земли и Новгородские земли и по всем волостем заповедати, чтобы ищя и ответчик судиам и приставом посулу не сулили в суду, а послухам

не видеви не послушествовати, а видевши сказати правду. А послушествоует послух лживо не видеви, а обыщется то после, ино на том послухе гибель исцева вся и с убытка» [4. С. 178].

Подчёркнём, что многие положения Судебника 1497 г. были восприняты и развиты последовавшим за ним Судебником 1550 г., который был дополнен новой статьёй по исследуемому вопросу: установлением торговой казни лжесвидетеля, которая заключалась в битье кнутом на торговой площади свидетеля, давшего ложные показания: «А послух опослушествоует, не видеви, лживо, а обыщется то опосле, а в вине казните торговою казнью» [3. С. 120].

Заметим, что юридические меры ответственности сочетались, как правило, с религиозными, поскольку ложные показания беспокоили не только светскую власть, но и представителей духовенства. Именно поэтому сборник постановлений церковно-земского Собора, который состоялся в 1551 г., содержал две главы, которые порицали лжесвидетельство и предписывали «промеж себя и в соседстве жить любовно», не красть, не совершать разбои, не ябедничать, «и налживе не послушествовать» [3. С. 300].

Следующий этап в развитии законодательных норм выпадает на появление губных и земских грамот, которые также не обошли своим вниманием порицание лжесвидетельства. Так, Медынский губной наказ регламентировал случай, когда разбойник давал показания об участии в преступлении какого-либо лица, а в ходе следствия выяснилось, что такое показание является ложным [5. С. 425]. Такое лицо подвергалось пытке.

Необходимость дальнейшего совершенствования законодательства привела к появлению Соборного уложения 1649 г., которое выступает в качестве первого в истории России печатного систематизированного закона, включавшего в себя нормы, относящиеся ко всем отраслям права. Большая роль в Соборном уложении отводилась нормам, связанным с показаниями свидетелей. Так, Соборное уложение специально предусматривало положение о том, что людям следует говорить правду, если же они будут уличены во лжи, то будут подвергнуты от государя великой опале. Согласно ст. 161 Соборного уложения требовалось, чтобы свидетели и потерпевшие «сказывали прямо вправду, некого не бояся... а скажут они не по правде, и им за то бытии от государя в великой опале и в казни» [6. С. 128].

При противоречиях в показаниях, если выяснялось, что свидетели лгали, в соответствии со ст. 162 Собор-

ного уложения они должны были выплатить в доход государства «пени за лживые» показания. Характерно, что размер штрафа зависел от социального статуса лица. Наиболее высокие штрафы брались с духовных лиц. В то же время для крестьян предусматривалось специальное наказание – битие кнутом [6. С. 128].

К началу преобразований Петра I дореволюционное законодательство России предусматривало целую систему жёстких мер ответственности за дачу ложных показаний, включавшую как денежные, так и телесные наказания, не говоря уже о смертной казни. Однако эти меры были признаны Петром I недостаточными, результатом чего стал Указ «Об отмене в судных делах очных ставок, о бытии вместо оных расспросу и розыску, о свидетелях, об отводе оных, о присяге, о наказании лжесвидетелей и о пошлинных деньгах» от 21 февраля 1697 г. Так, ст. 10 Указа устанавливала положение о том, что «кто свидетель скажет во свидетельстве лживо, и про то сыщется, за то его ложное свидетельство казнить смертью» [7. С. 399].

Таким образом, доказанное лжесвидетельство влекло за собой исключительную меру наказания – смертную казнь.

В последующем наказания за ложные показания были смягчены. Так, воинский артикул от 26 апреля 1715 г. предусматривал смертную казнь уже как альтернативный вид наказания. Свидетелей, которые, присягнув, ложно свидетельствовали и причиняли тем самым невинному вред, надлежало по окончании расследования «жестоко наказать, а иногда и весьма живота лишить» [7. С. 363]. Аналогичные последствия предусматривались и за ложную присягу. В остальных случаях клятвопреступнику отсекали пальцы, которыми он присягал.

Другим значительным памятником права эпохи Петра Великого является «Краткое изображение процессов или судебных тяжб» 1715 г., в котором третья глава посвящена свидетелям. Так, в данном документе указывалось, что свидетелями должны быть «добрые и безпорочные люди, которым бы мочно поверить, кроме тех, кои чести и достоинства лишены» [7. С. 415].

Другая статья «Краткого изображения...» определяла лиц, которых следовало считать непригодными для дачи показаний, к которым, в частности, относились: клятвопреступники, т.е. лица, солгавшие ранее под присягой при даче показаний; лица банизированные или проклятые, «поскольку они из христианского собрания выключены и за басурманов признаются»; лица, которые ещё не бывали у Святого причастия; лица, изгнанные из государства, или которые имеют разрезанные уши и нос за ранее совершённые преступления; лица, объявленные в суде нечестными; разбойники и воры; смертоубивцы; явные прелюбодей; лица, которые дают показания со слов других лиц [7. С. 415–416].

Меры ответственности были предусмотрены в ст. 17 «Краткого изображения...»: так, в качестве наказания за дачу ложных показаний она предусматривала отсечение пальцев, публичное покаяние в церкви, изгнание с земли, посылание на каторгу. Помимо указанных мер, лжесвидетель более никогда не допускался к свидетельству [7. С. 418].

Как видим, в эпоху правления Петра Великого закон по сугубо формальным основаниям исключил из числа свидетелей достаточно широкий круг лиц, априори посчитав их неспособными говорить правду. Как справедливо отметил по этому поводу С.А. Новиков, такое положение не давало возможности судье самостоятельно оценить показания таких лиц, что, безусловно, во многих случаях затрудняло и даже делало невозможным точное и правильное установление всех существенных обстоятельств рассматриваемого дела [8. С. 27].

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. в качестве самостоятельного проступка предусматривало отказ свидетеля от принятия присяги (ст. 239), устанавливая за него наказание в виде ареста сроком от трех недель до трех месяцев. Статья же 258 гл. 5 Уложения предусматривала, что «за лживую присягу, данную с обдуманным намерением или умыслом, виновный подвергается лишению всех прав состояния и ссылке в Сибирь на поселение, а буде он по закону не изъят от наказаний телесных, и наказанию плетьюми чрез палачей» [9. С. 231].

Судебная реформа 1864 г. явилась важнейшей составляющей эпохи Великих реформ 60-х гг. XIX в., которая не только создала совершенную систему судопроизводства, но и затронула реформирование некоторых правовых институтов. Следует отметить, что действующий в то время закон – Устав уголовного судопроизводства 1864 г. – не содержал никакого определения лжесвидетельства, поэтому установление данного понятия, а также преступлений, с ним связанных, предоставлялось суду. Однако, несмотря на это, закон указывал, что субъектами лжесвидетельства могут быть свидетели, эксперты, толмачи или переводчики и потерпевшие от преступления.

Отметим, что дошедшие до нас правовые документы по уголовному праву, как-то: положения Русской Правды, Устава уголовного судопроизводства, Краткого изображения процессов или судебных тяжб подчёркивали, что объектом лжесвидетельства, безусловно, является государственное правосудие. По этой причине для констатации совершенного деяния как преступления необходимо, чтобы показание было дано перед компетентной властью. Вследствие этого ложное показание не являлось лжесвидетельством, если оно имело место перед властью, которая не уполномочена законом на допрос свидетелей перед присягой. Так, в одном из своих указаний Сенат особо подчёркивал, что «компетентной властью для допроса свидетелей считается по нашему закону власть судебная, а именно власть следственная и суд» [10. С. 90]. 7 июня 1872 г. была принята новая редакция Устава уголовного судопроизводства, однако положения, касающиеся дачи ложных показаний, данная редакция не затронула.

В Уголовном уложении 1903 г. преступления о лжесвидетельствовании входили в гл. 7 «О противодействии правосудию», которая закрепляла ответственность за лжедонос, лжесвидетельство, подделку или предъявление суду лжедоказательства, лжеприсягу, ложные бесприсяжные показания в собственном деле. Ответственности за лжесвидетельство была посвящена ст. 158 Уголовного уложения 1903 г. Так, в соответ-

ствии с ч. 1 ст. 158 свидетель, виновный в заведомо ложном показании при производстве следствия или суда, наказывался заключением в тюрьму. За такие же действия вследствие подкупа или лицом, допрошенным под присягой, следовало более суровое наказание в виде заключения в исправительный дом (ч. 2 ст. 158). При этом по Уложению 1903 г. не привлекалось к уголовной ответственности лицо, которое по закону имело право отказаться от дачи показаний, если на такое право ему не было предварительно указано.

Подводя итог сказанному, можно сделать вывод, что, во-первых, дача заведомо ложных показаний на всех ис-

торических отрезках времени царской России являлась наказуемым деянием, отличия состояли, по большому счёту, лишь в наказании. Во-вторых, ложное заявление о каком-либо событии на следствии или в суде лицом, на показаниях которого основывалось решение суда или показания которого удостоверяли юридический факт, представляло, равно как и в настоящее время, опасность для правосудия. Поэтому лжесвидетельство расценивалось прежде всего как преступление против правосудия, даже несмотря на то, что показания подкреплялись религиозной присягой, что также являлось основанием для отнесения его к религиозным преступлениям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Козлова Е.А. Наказание по законам Хаммурапи // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. Тольятти, 2006. Вып. 62. С. 200–203.
2. Евангелие от Матфея, глава 26: 59–60.
3. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. Т. 2 : Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. О.И. Чистякова. М. : Юрид. лит., 1985. 520 с.
4. Толмачева Н.В. Практикум по отечественной истории. Петропавловск-Камчатский, 2007. Ч. 1. 206 с.
5. Ивановский Е. История государства и права российского. М., 2009. Т. 2. 845 с.
6. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. Т. 3 : Акты Земских соборов / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. О.И. Чистякова. М. : Юрид. лит., 1985. 512 с.
7. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. Т. 4 : Законодательство периода становления абсолютизма / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. О.И. Чистякова. М. : Юрид. лит., 1986. 512 с.
8. Новиков С.А. Ответственность за лжесвидетельство во времена Петра Великого // История государства и права. 2008. № 18. С. 25–29.
9. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. Т. 6 : Законодательство первой половины XIX века / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. О.И. Чистякова. М. : Юрид. лит., 1988. 432 с.
10. Судебные уставы и уложения с законодательными мотивами и разъяснениями / сост. М. Перман. СПб., 1900. 423 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 1 марта 2013 г.